

Пограничные стрелки

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Пограничные стрелки

Макс Брэнд

Уэлдон – герой романа «Пограничные стрелки» – катится по жизни, как перекасти-поле. Оказавшись в Сан-Тринидаде, он встречается двух прекрасных девушек – неукротимую брюнетку Франческу Лагарди и прелестную блондинку Элен О'Маллок. Одной из них нужна защита, другой – помощь в рискованной аванюре. Кто же из них станет его судьбой?

Макс Брэнд

Пограничные стрелки

Глава 1

Любитель острого

В полшестого пополудни Уэлдон открыл глаза и некоторое время просто лежал на спине, раскинув руки, изучая потолок, с наслаждением вдыхая теплый воздух. Не было ни ветерка. Уэлдон лениво подумал о том, где, собственно говоря, он находится? Пожалуй, даже ради спасения собственной жизни не мог бы сейчас припомнить, куда в конце концов попал – в какую страну, штат или город. Он выглянул в окно, и первое, что бросилось ему в глаза, были суровые очертания горы Бычья Голова.

Со вздохом облегчения Уэлдон снова опустил голову на мягкую подушку. Выходит, попал в Сан-Тринидад! Ничего удивительного, что пришлось рассматривать окрестности, чтобы сориентироваться! Слишком много мест промчалось перед его глазами за последнее время. Они мелькали так же быстро, как карты, когда колоду тасуют руки опытного игрока. Снова закрыв глаза, он позволил именам и лицам еще раз пробежать в его памяти, как бежит поток воды в ущелье. Потом улыбнулся. Уэлдон мог лежать, ни о чем не думая, но в нужный момент соображал очень быстро и на события реагировал мгновенно. Ему нравилось и то и другое. Он любил жизнь такой, какая она есть, во всех ее проявлениях, даже когда приходилось сталкиваться с ее бессмысленной и грязной стороной. По части пищеварения Уэлдон не уступал и козлу, а в хладнокровии – упитанному быку, невозмутимому вожаку стада. И от всего получал удовольствие. Еда, сон, даже возможность дышать доставляли ему радость.

Поэтому он и не торопился вставать. Любой другой, очутившись в этой раскаленной, побеленной спальне, где было трудно повернуться, чувствовал бы себя как в духовке, но Уэлдон не испытывал ни малейшего неудобства. Расслабившись, лежал и наслаждался жарой.

Но в конце концов его стал терзать голод. Он протянул руку к двери и распахнул ее настежь.

– Хочу есть! – крикнул в коридор, и эхо прокатилось по дому.

Уэлдон опять закрыл глаза, выжидая.

Наконец услышал шуршание юбок. Предварительно постучав в открытую дверь, в комнату вошла горничная-мексиканка. Обычно горничные не отличаются застенчивостью, но эта двигалась робко и нерешительно.

– Чего желает сеньор? – спросила она по-испански.

– Вы говорите по-английски? – в свою очередь поинтересовался Уэлдон.

– Нет, сеньор.

– Ладно, пусть будет по-вашему, – согласился он на вполне приличном испанском, открыл наконец глаза и взглянул на девушку.

Она оказалась красавицей!

Мысли о еде мгновенно улетучились из головы парня.

– Чего желает сеньор?

– Всего по очереди, – изрек он, продолжая разглядывать девушку. Это был не грубый мужской взгляд, раздевающий женщину, а взгляд, выражающий искреннее восхищение красотой. Затем тихонько замурлыкал: – «Черные глазки, звонкий голосок...»

Девушка покраснела, а молодой человек добродушно ей улыбнулся.

Состоялась примерно такая беседа.

Сеньор хочет есть? Да, хочет. Чего бы он пожелал? Все, что найдется в этом доме самого лучшего. Были, конечно, бобы. А также тортильи[1 - Маисовые или кукурузные лепешки. (Здесь и далее примеч. перев.)]. Девушка похвасталась, что во всей Мексике не сыскать лучших тортилий, чем те тонкие, белые лепешки, которые печет ее мать. Еще предложила мясо козленка. Его можно нарезать на маленькие кусочки, насадить на шампуры – будет готово через несколько минут. А если сеньор хочет помыться, то слуги принесут воду в ведрах, и он даже сможет принять ванну.

Горничная удалилась. Уэлдон мягким голосом пропел ей вслед:

– «Черные глазки, звонкий голосок...»

Он слышал, как девушка замешкалась в коридоре, но затем неторопливо пошла дальше. Тогда уселся в постели и, покашливая, одобрительно пробормотал:

– Сан-Тринидад! Ты мне по душе!

Вскоре после этого Уэлдон уже сидел в жестяной ванне, находившейся в соседней комнате, а два с устрашающим видом молодца опрокидывали одно за другим ведра с холодной водой на его широкие, мускулистые плечи.

Вытеревшись досуха и одевшись, парень спустился во внутренний дворик отеля и пересек его, позванивая шпорами, сверкающими, как золотые.

Солнце палило невыносимо. Казалось, красные крыши домов были объаты пламенем, а белые стены блестели так, что слепли глаза. Выйдя на середину дворика и сняв сомbrero, Уэлдон подставил голову под палящие лучи.

Из темного угла, завешанного красными портьерами, внезапно появился какой-то коротышка с худым загорелым лицом и сварливо произнес по-английски:

- Лучше поостерегись, сынок! А то заработаешь солнечный удар.

- Спасибо, - отозвался молодой человек. - Но мне нужна солнечная ванна. - Подошел к одному из маленьких столиков, стоящих между колоннами, и опустился на стул. Тот заскрипел под его тяжестью, однако устоял. - Солнце убивает микробы, - добавил серьезно.

Он обожал заканчивать любое высказывание или даже речь короткой фразой. Потом посмотрел на коротышку, одарив его своей знаменитой улыбкой - добродушной, насмешливой, немного глуповатой, словно хотел передать ему немного собственного хорошего настроения.

Принесли дымящиеся бобы, завернутые в тонкие маисовые лепешки. Уэлдон неторопливо принялся за еду.

Коротышка с худым загорелым лицом и мексиканской сигарой во рту слегка приподнял брови, глядя на то, как исчезает эта груда еды. Задвигавшись на стуле, он дернул плечом.

Бобы и маисовые лепешки кончились. Но были доставлены новые лепешки, а вместе с ними большое блюдо с квадратными ломтями козлятины, зажаренными на открытом огне до коричневой корочки. На столе стояло также блюдо с красным соусом, куда Уэлдон окунал каждый кусочек мяса, прежде чем

подносил его ко рту. Он по-прежнему действовал не спеша, но пища улетучивалась с такой быстротой, будто ее поглощал огонь.

Коротышка ничего не мог с собой поделаться. Против воли, взгляд его был прикован к Уэлдону. При этом он продолжал подергивать головой и хлопать глазами, словно отмахивался от мух. Вид у этого человека был задумчивый, он барабанил тонкими пальцами по столу, но глаза его были повернуты в сторону еды, с которой расправлялся молодой человек.

Уэлдон насадил на кончик ножа особо аппетитный кусочек козлятины. Мясо слегка обуглилось по краям, но в основном было покрыто толстой коричневой корочкой; красный сок капал с него.

– Съешьте кусочек, – добродушно предложил Уэлдон.

Коротышка стремительно повернулся на стуле.

– Молодой человек, – сказал он, – надеюсь, я достаточно стар, чтобы дать вам добрый совет?

– Совет? – пробормотал Уэлдон. – Тот, кто не прислушивается к добрым советам, дорого платит.

– Так вот, – начал его собеседник.

– Совет? – повторил парень. – Это опыт, выраженный короткой фразой.

– Верно, – согласился коротышка. – Поэтому...

Но медлительный Уэлдон продолжал неторопливо развивать свою мысль:

– Хороший совет может заменить глаза и уши.

– Ну конечно, молодой человек, поэтому я хочу сказать вам...

– Тому, кто не слушает советов, – доверительно сообщил Уэлдон, – уже ничем не поможешь.

– Продолжайте, продолжайте! – брюзгливо поддержал его коротышка. – Выкладывайте все, что хотите сказать об этом предмете. Я могу подождать! Я никуда не спешу!

– Я бы принял совет от любого человека, даже от своего отца, – благодушно изрек Уэлдон. – Совет лучше, чем порка. И говорят, что чем хуже люди, тем лучше их советы! – Он одарил коротышку доброй улыбкой. – Так не хотите разделить со мной этот ломтик?

Коротышка щелкнул пальцами. Он был почти вне себя от ярости.

– Нет! – завопил, окончательно потеряв терпение. – Мне не нужно ни кусочка! А этот ваш красный соус – вы знаете, что это такое?

Уэлдон заколебался, но затем со всем своим непробиваемым добродушием ответил:

– На вкус как жидкий огонь, приятель. А что вы об этом думаете?

Коротышка вытаращил глаза. У него была тощая бородка, которая придавала ему подчеркнuto старомодный и несколько зловещий вид. Бородка теперь дрожала, так как он отчаянно искал слова.

– Тогда зачем же, ради Бога, вы это едите? От одного только вида этих блюд у меня жжет во рту, – объявил, негодуя. – А мои внутренности скручиваются, рассыхаются и разваливаются на части.

Как раз в этот момент Уэлдон положил обсуждаемый ими кусочек в рот. И тем не менее продолжал говорить, нисколько этим не затрудняясь:

– Неужели? А теперь я скажу вам, как это мне представляется. Почти все на земле хорошо, если обращаться с ним должным образом, а если нет...

– Ну и ну! – с иронией воскликнул его собеседник. – Это что – христианская проповедь?

– А почему бы и нет? – отозвался Уэлдон. – Да, действительно, не все те, кто разгуливают с длинными ножами, являются поварами. Но повара можно учить только на кухне, а не за обеденным столом. Поэтому я ем, что дают.

Коротышка вздрогнул. Он сидел, подперев голову руками, лихорадочно затягиваясь сигарой, и сквозь клубы дыма внимательно разглядывал молодого человека.

– Можно себе представить, что творится в вашем желудке!

– Никогда не страдал желудком, – успокоил его Уэлдон.

Он прикончил одновременно и мясо и соус, обмакнув последний прожаренный ломтик в красную жидкость, причем соус лег на него таким густым слоем, что ему пришлось поворачивать мясо, чтобы не закапать одежду.

Коротышка больше не мог смотреть, как поглощается эта ужасная стряпня. Он закрыл глаза обеими ладонями, но, не удержавшись, осторожно опустил руки – как раз вовремя, чтобы увидеть завершающий, последний глоток.

Почувствовав, что ему становится плохо, коротышка вскочил и стал бегать по террасе. Но потом вернулся, снова уселся на стуле и уставился на Уэлдона.

Глава 2

Свободный человек

Перед Уэлдоном возникла уже знакомая ему горничная – по-видимому, она выполняла все работы по дому. Подхватив гору пустых тарелок, девушка с изумлением открыла рот, затем заглянула под стол, оглядела внутренний дворик в поисках бродячей собаки, которая съела хотя бы часть всей этой груды еды. Даже с некоторым подозрением покосилась на карманы молодого человека.

Он засмеялся и вывернул карманы.

Тогда девушка всплеснула прелестными ручками и тоже рассмеялась:

- Не надо, сеньор! Просто это восхитительно!

- Хотелось бы чего-нибудь еще, - подал голос Уэлдон.

- Чего же, сеньор?

- У вас есть пиво?

- Есть, сеньор.

- Вы держите его в погребе?

- Да, сеньор.

- В холодном погребе? - уточнил Уэлдон.

- Там лед. Только вспомнишь о погребе, сразу задрожешь от холода!

- Спуститесь в погреб и подрожите там немножко ради меня, - велел молодой человек. - И потрогайте ручками бутылки, чтобы найти самые холодные. Вот таких и принесите три или четыре штуки.

Девушка ушла.

- Дружище, дружище! - забормотал между тем незнакомец. - Разве у вас не горят внутренности, и дым не обжигает горло, и искры не слепят глаза?

Уэлдон взглянул на него с неизменным хладнокровием, свертывая одной рукой сигарку. В его действиях не чувствовалось никакой спешки. Ловким движением пальцев он умял табак, разгладил бумагу, затем кончиком языка провел по ее краю, скрутил и заклеил. А когда зажег спичку и закурил, коротышке

показалось, что половина сигарки исчезла от одной затяжки! На конце ее сразу же вырос большой столбик пепла!

- Черт возьми! - вскричал он, облизывая сухие губы и нервным движением вынимая сигару изо рта. - Я думал, вы задохнетесь, почти надеялся, что так и произойдет!

- Дружище, - произнес Уэлдон, выдыхая дым то плотной струей, то летучими голубовато-белыми колечками. - Я прекрасно себя чувствую. Просто наверху блаженства. Все идет отлично. А там - посмотрим.

Вернулась девушка, нагруженная бутылками. Поставила их на стол - шесть штук - друг возле друга.

- Пейте, быстро! - буркнул незнакомец, ерзая на стуле. - Хочу услышать, как это пиво зашипит в вашей глотке.

- Терпение, терпение, - лениво отреагировал Уэлдон. - Терпение творит чудеса! Какая из этих бутылок самая холодная, моя дорогая?

- Вот эта, сеньор. Вот эта, я думаю.

- Желательно знать точно, - важно заявил Уэлдон. - Иначе упустим прекрасную возможность, если не используем ее наилучшим образом. Я бы это счел позором. А как насчет вас, дружище? Выпьете со мной?

- Пить пиво - это жидкое, горькое пойло! - возмутился коротышка. - Да я бы не прикоснулся к нему и за тысячу долларов!

- И сейчас не попробуете? - добродушно осведомился молодой человек. - Что ж, каждый следует своим правилам. Но когда я думаю, - тут он откупорил бутылку, щелчком сбив металлическую пробку, - когда я думаю, что эта бутылка пива значит для меня...

- Ох, пейте же это пойло, пейте его, пейте! - оборвал его коротышка. - Это зрелище действует мне на нервы. У вас заболит горло! Оно будет кровоточить! Вы раздерете его в кровь! Оно, должно быть, уже в крови!

– За вас, моя красавица! – обратился Уэлдон к горничной.

Стиснув ручки, девушка отвесила ему легкий поклон.

– За вас, за ваши глазки, за ваши губки и ваше сердечко! – Наклонив бутылку, он с бульканьем стал поглощать янтарную жидкость.

Коротышка, не отводя глаз с парня, заволновался, приподнялся на стуле.

– Ах! – выдохнул молодой человек и поставил пустую бутылку на стол.

– Чтоб мне пропасть! – воскликнул коротышка.

– А теперь, – весело сказал Уэлдон, – чтобы стало совсем хорошо, за кухарку, благослови ее Господь! И за тот соус, который она приготовила!

Вторая бутылка опустела с такой же скоростью. Осушив ее, Уэлдон потянулся за третьей. И тут коротышка не выдержал.

– Дружище, дружище! – заволновался он. – Вы же лопнете!

– Вы видите, как я пью, но не ощущаете моей жажды, – кротко возразил парень. – У меня внутри пустыня, настоящая пустыня, раскаленная солнцем. В такой пустыне даже ящерицы прячутся в тени, кактусы вянут и начинают дымиться, стервятники кружатся в открытом небе, а лысый орел прячет голову под крыло...

– К черту вашу пустыню! – раздраженно фыркнул коротышка.

– Но теперь, – добродушно продолжил Уэлдон, – я залил края этой пустыни, осталось единственное сухое местечко – прямо в центре, которое я тоже намерен залить, если, конечно, хорошенько прицелюсь! За тебя, красавица, и за кухарку, и за ту страну, что произвела вас обеих на свет!

Третья бутылка отправилась вслед за первыми двумя, после чего молодой человек откинулся на спинку стула и скрутил еще одну сигарку.

– И, я полагаю, вас ничто не беспокоит? – сердито осведомился коротышка.

– Нет, мистер Коннери, – ответил Уэлдон. – Ничегошеньки. Покурите со мной?

Коннери два-три раза щелкнул пальцами – звук походил на треск фейерверка Четвертого июля[2 - День национальной независимости США.].

– Вы все время знали, кто я такой! – воскликнул он. – Черт меня побери, вы знали все время!

– Ну, конечно, ведь вас все знают, – улыбнулся Уэлдон. – Все знают Керка Коннери. Все восхищаются им. Все хотят с ним познакомиться.

– Заткнитесь, Уэлдон! – приказал коротышка.

Он вытащил очередную сигару, зажег ее не с того конца и безуспешно попытался раскурить – был слишком взволнован, чтобы заметить свою ошибку.

– Как вы добирались? – спросил угрюмо.

– По-разному. Когда верхом, когда пешком, когда поездом.

– Не верю, – возразил представитель закона. – Все поезда обыскивали. Каждый поезд, идущий в этом направлении.

– И при этом ваши люди обращали внимание на машинистов? – осведомился Уэлдон.

– Что такое?! – воскликнул Коннери. – Проклятье! Не верю! А что вы сделали с тем, кого заменили?

– Уложил спать в тендере.

Коротышка застонал.

– Ну и ну, – выдохнул он. – И вот вы здесь! Я не верю своим глазам!

– Зачем же вы тогда явились сюда, если не ожидали моего появления?

– На всякий случай. Не хотел упускать один шанс из тысячи, чтобы не упрекать себя впоследствии, что чего-то не предусмотрел. Вдруг все-таки вы появитесь, а меня здесь не будет.

– Что ж, вот мы и встретились. И не где-нибудь, а в Мексике! – Уэлдон с усмешкой пронаблюдал, как Коннери передернулся, и продолжил, сменив тему разговора: – Когда у вас выпадет свободная минутка, обратите внимание на вход в этот дворик. Видите картинку? Стоит испанка. А может быть, итальянка. Возможно, с примесью французской крови. Разве она не прелестна, Коннери?

– Почему вы не говорите по-английски? – с раздражением отозвался тот. – Почему вы всегда мешаете в одну кучу жаргон и всякий вздор, когда умеете говорить правильно?

– Говорить и путешествовать, – уточнил Уэлдон. – Я всегда выбираю кратчайший путь.

И его взгляд устремился туда, где у входа во внутренний дворик стоял длинный серый автомобиль с низкой посадкой и широким капотом. Шум мотора не был слышен. В воздухе ощущалась только его вибрация.

– Это машина для настоящего мужчины, – заметил Уэлдон. – А посмотрите-ка, кто за рулем?!

За рулем сидела девушка. Выключив мотор, она сбросила пыльную накидку, швырнула ее на соседнее сиденье и вылезла из машины. Затем легким, быстрым шагом пересекла внутренний дворик, помедлила, оглядев верхние окна отеля, и вошла внутрь.

– «Черные глазки, звонкий голосок!» – тихо запел Уэлдон, но затем голос его зазвучал в полную силу, и он повторил эту строчку глубоким, низким голосом, похожим на гром.

– Вы знаете ее, да? – заинтересовался Коннери. – И посылаете ей сигнал, так? Тоже замешана в этом деле?

Энергично кивнув, он свирепо уставился на молодого человека.

– Знаю ли я ее? – задумчиво повторил Уэлдон. – По крайней мере, никогда ее не забуду. Вы заметили, какие у нее глаза?

– Заметил, – огрызнулся Коннери. – Черные как ночь. И я бы сказал, приправленные жаждой убийства. Как ее зовут?

– Не имею понятия.

– Франческа Лагарди.

– Итальянка?

– Не знаю. И не интересуюсь. Но мечтаю упрятать ее в тюрьму!

– Она что, мошенница?

– Мошенница? – воскликнул представитель закона. – Мошенница? – От возмущения ему не хватало слов.

– Я встречал таких на Востоке, – промолвил Уэлдон. – И на Западе. Но никогда не встречал их в компании с мужчинами.

– Это что, жаргон студентов? – предположил вконец рассерженный коротышка.

– Жаргон выпускников, – поправил его парень со своей обычной добродушной улыбкой.

– Ладно, – буркнул Коннери. – Могу вам кое-что сообщить. Мне телеграфировали вчера вечером. Бакстер мертв!

– И теперь они, естественно, хотят повесить меня?

– Они, конечно, не преминули бы это сделать, – проворчал Коннери. – Но этот осел Бакстер перед тем, как умереть, признался, что все это дело было сфабриковано, чтобы схватить вас. И вам пришлось бы здорово потрудиться, чтобы выпутаться. Но сейчас я должен сказать вам, что вы свободный человек и вольны идти, куда хотите!

Глава 3

Хорошенькое личико есть хорошенькое личико

На это сообщение Уэлдон отреагировал следующим образом. Задрав голову, он долгое время наблюдал за покачивающимися усиками виноградной лозы, которая нависала над ними как зеленый шатер. Наконец произнес:

– Надо же, как мне везет! И что бы этому Бакстеру сознаться сразу!

– Везет? – сердито воскликнул коротышка. – Везет? – Внезапно его поведение изменилось, он поудобнее устроился на стуле. – Выкладывайте, Уэлдон. Объясните начистоту.

– Что вы, дружище, неужели не ясно? Да я бы тогда никогда в жизни не оказался в Сан-Тринидаде, и мне не пришлось бы сидеть здесь, есть жареного козленка, пить пиво и беседовать с великим Коннери! – Взмахнув широкой ладонью, он улыбнулся, добродушно, но слегка рассеянно.

Керк Коннери вскочил. Он вообще двигался резко и порывисто. Прислонившись плечом к толстой выбеленной колонне, внимательно посмотрел на Уэлдона:

– Сколько вам лет, юноша?

– Немного меньше, чем вы думаете.

– Черт побери, молодой человек, иногда я думаю, что вы еще не вылезли из пеленок!

Уэлдон тем временем покончил со второй сигаркой, свернул третью и закурил.

- Испортите себе легкие, - заметил его собеседник.

Уэлдон выдохнул огромный клуб дыма:

- Никогда не имел хлопот с ними.

Коннери скорчил свирепую гримасу:

- Я ничего подобного и не предполагал! Я так и думал, вы - железный человек! Скала! Голова не болит, желудок всегда в порядке, ни простуды, ни лихорадки... И что, никогда в жизни?

- Никогда, - подтвердил Уэлдон.

- Почему вы себя так ведете? - кипятился представитель закона. - Почему? Почему?

- Почему я пью пиво? - простодушно любопытствовал Уэлдон.

- Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Без уверток, пожалуйста, когда я разговариваю с вами! Не виляйте и не хитрите со мной, молодой человек!

Верзила Уэлдон отнесся к словам собеседника с полным спокойствием. Взгляд его, остановившийся на лице Коннери, напоминал взгляд сытого и довольного собой быка.

- Во-первых, я терпеть не могу работать, - признался он.

- Просто хотите сидеть на шее общества и объедать его? - осведомился представитель закона все так же сердито. Он помолчал, дожидаясь реакции парня, но так как ее не последовало, продолжал говорить: - А это неправильно и несправедливо. У нас достаточно проблем и с обычными преступниками - с недоумками, которые идут по кривой дорожке, психопатами, которым место в больницах, а не за решеткой, выходцами из Европы, Южной Америки, с Востока, наркоманами, пьяницами и всякими другими паразитами. Нам с ними хватает

хлопот. Любой преступник – сумасшедший. Я всегда это утверждал. И всегда знал это. Но вы-то не сумасшедший, Уэлдон. Вы – сильный человек. У вас хорошая голова. И мозги работают неплохо. Таких, как вы, – один на тысячу. Но как вы с собой обращаетесь? Выбрасываете на ветер все свои сокровища! Хуже того! Это все равно как использовать боевой линкор для мелкой контрабанды! Что ж, если вы собираетесь стать преступником, почему бы вам не совершить что-нибудь грандиозное? Ограбить, например, английскую казну или опустошить Монетный двор США, устроить переполох на Уоллстрит, что-нибудь вроде этого?

– Меня никто не вдохновлял на такие подвиги, – заметил Уэлдон, слабая улыбка вернулась на его лицо. – Но вы подбрасываете неплохие идейки!

– Вместо этого, вы катитесь по жизни. Куда подует ветер, туда вас и несет! То в Мексику, то в Канаду – тут сыграли в карты, здесь постреляли, там подрались на ножах! А для чего? К чему вы стремитесь? Какова цель?

– Я просто живу, – мягко ответил Уэлдон.

Коннери ткнул в него дрожащим, костлявым указательным пальцем.

– У вас нет никакого чувства уважения к себе! – заключил он.

– Потому что никто никогда не принимает меня всерьез.

Взгляд парня в это время блуждал по верхнему ряду окон, выходящих во внутренний дворик. На одном из них ставни были распахнуты, но само окно оставалось закрытым. Интересно, кому это захотелось довольствоваться светом, но не воздухом? Солнце уже склонялось к западу. Жара спадала. Но щедрое, наводящее сонливость тепло исходило от стен, золотистая истома покрыла небо. От земли волнами поднимался горячий, наводящий дремоту воздух.

– А почему вас не принимают всерьез?

– Из-за моего имени, – пояснил Уэлдон.

– Хорошее имя. Что в нем такого? – не понял Коннери. – Когда-то считалось честным именем, пока вы не изваляли его в грязи! Лоример Эверетт Уэлдон – что

тут плохого?

– Вы что, не понимаете? Инициалы образуют слово «Лью»[З - «Lew» созвучно с «lewd» – похотливый, распутный, непристойный, бесстыдный, невежественный (англ.)]. А как можно относиться серьезно к человеку с таким именем? Вот вы, например, можете?

– Все это чепуха! Вы просто смеетесь надо всем, начиная с самого себя. Когда же перестанете хихикать?

– Я говорю серьезно.

– Вас называли и по-другому.

– Ну да. «Громила», «Блондин», «Заправила», «Большой козленок». Вы называете это именами, Коннери? А по-моему, это клички. Мир легкомысленно относится ко мне. А я легкомысленно отношусь к нему. Вот и все.

– Так-так-так, – протянул представитель закона. – А чего вы хотите от жизни?

– Того, что она мне преподнесет.

– А что она вам преподнесет?

– А вот этого я не знаю.

– Не понял.

– Если бы знал, то не хотел бы этого! – растолковал Уэлдон.

Коннери издал резкий свист, в котором выразились недовольство, нетерпение, но отчасти и понимание. Затем порывисто опустился на стул, который даже затрясся.

– Вы бы мнегодились, – тихо произнес он. – Вы могли бы мне пригодиться, дружище!

- Охотиться за преступниками? – уточнил молодой человек.

- Вы могли бы мне пригодиться, – повторил Коннери и замолчал.

- Кто эта прелестная крошка в большом, сером автомобиле? – неожиданно поинтересовался Уэлдон.

- Какая крошка? – удивился его собеседник. – Что еще за крошка?

- Франческа Лагарди. Так, кажется, вы ее назвали.

- Крошка? – изумился коротышка. – Хладнокровная хищница! Ястреб! Ничего себе крошка! В ней нет ничего трогательного, ничего детского. Некоторые женщины взрослеют уже в колыбели.

- Как Афина, – заметил Уэлдон.

- Как кто?

- Не важно. Но она обольстительна.

- Все ведьмы обольстительны, – проворчал Коннери.

Взгляд парня устремился к окну, где открыли только ставни. Стекло в нем было плохого качества, неровное, а потому неравномерно пропускало свет. Тем не менее за этим стеклом, в глубине темной комнаты, Уэлдон увидел женскую фигуру. Она напоминала призрак.

- Я видел только ее лицо. Но какое лицо! Прелестное, очаровательное! – вздохнул он.

- А я видел и ее руки, – сообщил Коннери. – И видел, на что они способны.

- Изысканные руки, – мечтательно промолвил Уэлдон, с наслаждением прикрыв глаза; он грезил наяву. – Изящные, с розовыми пальчиками, нежные и сильные. Легкие, стремительные линии и округлые, маленькие кисти; тонкая, прозрачная

кожа, через которую просвечивают голубые вены.

– Заткнитесь! – возмутился Коннери. – Не выношу, когда вы изъясняетесь подобным образом!

– Я просто размышлял вслух, – пожал плечами парень.

– Вот поэтому-то и нет хуже преступников, чем женщины, – пояснил представитель закона. – У них своя защита. Мужчина, честен он или нет, в конце концов, просто мужчина. В нем главное – сердце и душа, а внешность не играет особой роли. А женщина состоит на две трети из тела и на одну треть из мозгов. И когда мозги набекрень, выставляет напоказ свое тело. Мужчины не любят идеальных женщин. Им нравятся немного с перчиком. Как соус к этому блюду. Вы, Уэлдон, уж точно предпочли бы именно таких!

– Пожалуй, – задумчиво произнес тот. – Немного святая, немного – грешница. Конечно, вы правы.

Но раньше я никогда не задумывался над этим. Вы сразу же схватываете суть дела, Коннери!

Подобно поднимающейся рыбе, женская фигура, приблизившись к окну, приняла более ясные очертания. И, подобно рыбе, снова погружающейся в глубину, отступив, утратила четкость и скрылась во мраке.

Уэлдон встал и предложил:

– Неплохо бы пройтись.

– Куда? Куда? – допытывался маленький человек.

– Не знаю. Идете со мною?

Они пошли по внутреннему дворику. Уэлдон прогуливался неторопливо, а Коннери передвигался судорожно, рывками. То плелся позади юноши, то отставал, то забегал вперед, оборачиваясь и поджидая спутника, чтобы подхватить его и потащить за собой, как ребенок тащит большую собаку на

поводке.

При выходе из внутреннего дворика они задержались у длинного серого автомобиля. В нем было четыре сиденья, снабженных подлокотниками, и внушительный багажник. Задние сиденья были устроены так, что даже при резких поворотах пассажирам не грозила опасность вывалиться из машины.

Уэлдон задумчиво облокотился на переднюю дверцу.

- Температура-то все еще под восемьдесят, - заметил он. - Малышку недавно здорово гоняли. Двигатель еще не остыл. Взгляните на термометр!

- Эта девица никогда не ездит со скоростью меньше шестидесяти миль, - объяснил Коннери. - Так она себе представляет медленную, приятную прогулку на машине. Обычно предпочитает все девяносто - сто миль в час.

- Сто? - переспросил парень. - Здорово! - Открыв капот, он заглянул внутрь. - Милая, маленькая, старая, надежная восьмерка, - заключил он.

- А где она сделана? - проворчал Коннери. - Нигде нет фирменного знака.

- Это итальянская модель, - сказал Уэлдон. - Изготовлена по специальному заказу. Не удивительно, что выжимает все сто! И даже больше, судя по всему! Гораздо больше! А нужна ли ей такая скорость, Коннери?

- Нужны ли птице крылья? - с горечью спросил в свою очередь представитель закона. - И даже сотни ей может не хватить в один прекрасный день.

Он стукнул себя в грудь кулачком. Его глаза горели такой яростью, что Уэлдон вдруг представил себе этого коротышку в образе стремительно летящего кондора, нагоняющего блестящий автомобиль, который далеко внизу несется по извивающейся дороге с умопомрачительной скоростью.

- Вы так и не рассказали мне, чем она занимается? - заметил он. - Не хотите поделиться со мной?

– Если бы я знал, – отозвался Коннери, – то поделился бы. Даже напечатал бы об этом в газетах. Если бы только знал! Но мне известно очень немного. А зачем женщине или мужчине нужна такая машина на границе, если только он не миллионер и не гонщик?

– Контрабанда? – предположил Уэлдон.

– Прямо в точку! – ухмыльнулся Коннери. Блестящими глазками он обшаривал лицо молодого человека.

– Пожалуй, пойду поброжу немного, – объявил Уэлдон.

– Где? Где можно побродить в таком городке, как этот?

– Просто поброжу...

– А, идите к черту! – выпалил коротышка и повернулся на каблуках.

В воздухе что-то прошелестело. Это девушка подходила к автомобилю.

– Добрый вечер, мистер Коннери! – приветливо поздоровалась она.

Тот не выказал никакой сердечности. Взгляд его был исполнен ненависти, смешанной с любопытством.

– Гм! – промычал он в ответ.

Выходка представителя закона не произвела на девушку ни малейшего впечатления, улыбка осталась столь же ослепительной.

Уэлдон, который все еще не ушел, открыл для нее дверцу, и она поблагодарила его, наградив самой открытой и самой дружеской из всех своих улыбок. Потом села за руль, нажала на рычаг и отвела назад на дюйм скользящее сиденье.

– Вы разбираетесь в машинах? – обратилась она к молодому человеку все с той же дружеской улыбкой.

Он бесшумно закрыл дверцу – плавным и сильным движением руки.

– Да как вам сказать... Немного.

– Вам бы эта понравилась.

– Наверное, – согласился он.

Оторвать от нее взгляд было все равно как отнять руку от драгоценностей. Уэлдон отступил и приподнял шляпу. Послышался шум мотора. Большая машина слегка взвизгнула, трогаясь с места, затем, быстро набрав скорость, исчезла за углом. После этого Уэлдон слышал лишь шелест шин, свист рассекаемого воздуха и урчание мощного двигателя.

Он надвинул шляпу на лоб.

Напротив него через дорогу какая-то старая женщина, сидя на корточках, ловко лепила тортильи, не глядя на них. Она улыбнулась парню во весь рот.

Он пересек улицу и встал перед ней, опершись рукой о стену дома.

– Вы улыбнулись мне, матушка?

Ее широкое лицо сморщилось от едва сдерживаемого смеха.

– Почему бы и нет, сеньор?

– Разумеется, почему бы и нет?

Она подняла руку, ладонь блестела от сырого теста.

– Еще вчера я тоже была милашкой. И дурочкой. Но, умная или дурочка, а хорошенькое личико – это хорошенькое личико! – И снова принялась за свои лепешки.

Уэлдон повернул за угол.

Глава 4

Кто больше всех рискует

За углом он нашел заведение Мигеля Кабреро. В этом доме всегда царил полумрак. В дневное время сюда не проникали ни свет, ни жара. По ночам маленькие электрические лампочки без абажуров позволяли разглядеть карты и кости. И это все. Только когда начинала вращаться рулетка, включалось дополнительное освещение. Но и тогда свет постоянно менялся, поскольку напряжение было нестабильным. Лампочки то ярко вспыхивали, то излучали тускло-желтый свет, придававший помещению какой-то фантастический облик.

В Сан-Тринидаде можно было только мечтать о прохладе. Когда открывалась входная дверь, в дом с улицы входило тепло, но большие электрические вентиляторы, медленно вращаясь и урча, как коты, разгоняли его и навевали прохладу.

Уэлдон не торопился вступать в игру. Он присматривался к тому, что его окружало, ничего не упуская из виду. Для него каждый день имел свой особый вкус. Теперь, подобно тому как смакуют вино, не пытаясь покончить с ним одним глотком, он медленно и осторожно «смаковал» Сан-Тринидад, вовсе не собираясь верить всему, что слышал об этом городе.

Перед ним стоял бокал мексиканского бренди. Это был настоящий жидкий огонь, ударяющий в голову и сбивающий с ног! Но для Уэлдона в самый раз! Его острый, едкий привкус полностью соответствовал обстановке, которую созерцали глаза молодого человека. Он все глубже и глубже погружался в атмосферу Сан-Тринидада и уже не чувствовал себя здесь чужим!

Какой-то мальчишка приблизился к его угловому столику, разбрасывая по полу древесные опилки. За ним шли другие мальчишки и их подметали. Они будут заниматься этим весь вечер. Это делалось не столько для поддержания чистоты, сколько для создания в помещении большей прохлады.

В заведении Мигеля Кабреро собралась обычная публика. Народу было не очень много, но у всех, кто здесь присутствовал, водились денежки. Пограничные мексиканские городки всегда славились богатым выбором возможностей быстренько их спустить. Большинство из присутствующих были мексиканцы, выходцы из среднего класса. Встречались и угрюмые лица пеонов. Вперемежку с ними попадались американцы. Их легко было узнать по выговору. Они вели себя очень спокойно, разговаривали тихо, как люди, привыкшие выигрывать и тратить деньги. Их манера говорить отличалась монотонностью, и все слегка гнусавили. Что до мексиканцев, то у них – напевный выговор. Их говор отличался быстротой и мелодичностью, чем-то напоминая щебетание женщин за полуденной чашкой чая; правда, у мужчин беседа протекала не так живо, весело и непосредственно, как у дам.

Словом, Уэлдон пил бренди, обводя глазами комнату. Настроение его улучшилось. Он и раньше – и много раз! – бывал в подобных местах. Но каждая дверь открывала ему что-то новое в жизни, означала вторжение в какой-то иной мир. Он никогда не жаловался на скуку, а если ему и бывало порой тоскливо, то винил в этом только себя.

В этот вечер колесо рулетки приковало к себе внимание большей части гостей. Время от времени несколько человек из тех, кто сгрудился вокруг нее, отходили к длинной слабо освещенной стойке бара. Это означало, что кто-то сорвал крупный куш. Отметив выигрыш, эти люди снова возвращались к рулетке. Ставки удваивались. Колесо продолжало вращаться, но теперь уже выигрывало заведение.

Какой-то мужчина подошел к его столику:

– Вы Уэлдон? Меня зовут Роджер Каннингем. Не возражаете, если я присяду возле вас?

– Прошу, – пригласил Уэлдон.

Мужчина поднял руку. Из полумрака немедленно возник официант.

– Пива, пожалуйста!

Официант исчез.

– Я не могу пить то же, что и вы, – сказал Каннингем, указывая на бокал с бренди. – По крайней мере, в такую погоду!

Он вытер платком лоб. Ему было очень жарко. Там, где пиджак облегал его сильные плечи, проступали влажные пятна.

У него был высокий лоб, который блестел от пота. Определенно этот человек был не дурак. Лет тридцати пяти, с загорелым, обветренным, честным лицом и твердым взглядом.

– Вы меня не знаете?

– Не знаю, – признался Уэлдон. – Закурите?

– Я закурю свои.

Мужчина извлек из кармана маленькую серебряную коробочку и свернул сигарку, набив ее крупно нарезанным табаком. А когда закурил, в воздухе расплылся слабый, сладковатый аромат турецкого табака.

– А я вот слышал о вас, – сообщил Каннингем.

Уэлдон ждал. Он относился к тому редкому типу людей, которые могут спокойно молчать, не испытывая от этого никакого неудобства. На его губах, как всегда, блуждала добродушная полуулыбка. Но взгляд, не теряя обычной благожелательности, оставался внимательным и сосредоточенным.

– И поэтому сначала вас спрошу: вы чем-нибудь заняты? – продолжил мужчина.

– Ничем.

– Вам нужна работа?

– Я никогда не работал.

– Понимаю. Конечно. Но работа не совсем обычная.

– Что ж, – отозвался Уэлдон, – мне нравится, когда меня искушают, и нравится, когда я попадаюсь на этом.

Каннингем улыбнулся. Улыбка его красила. Оценивающие глаза внимательно оглядели молодого человека – его руки, плечи, шею, рот и подбородок.

– Я перевожу на север через реку спиртное, китайцев, опиум и тому подобное, а потом через реку на юг – деньги, оружие, боеприпасы и кое-какие предметы роскоши. Это мой бизнес.

Он говорил без всякой таинственности, не понижая голоса. «Приближающийся официант почти наверняка услышал его последние слова», – подумал Уэлдон.

– Это интересная работа, – продолжал Каннингем, обхватив кружку пива обеими руками и наслаждаясь ее прохладой. – Думаю, вам бы она понравилась.

– Смотря что, – возразил Уэлдон.

– Конечно, – согласился Каннингем. – Я бы не стал просить вас заняться опиумом или наркотиками.

– Спасибо, – сказал Уэлдон.

– А как насчет спиртного и китайцев?

– Настоящего спиртного и настоящих китайцев? – уточнил парень.

– Спиртное без подвоха, – подтвердил Каннингем.

– Я не знаю.

Каннингем выжидал. Спустя мгновение, заметив, что Уэлдон все еще колеблется, добавил:

– Я хочу, чтобы вы поняли: это хорошие деньги. Мы платим по-разному. Рядовым исполнителям не очень много. Но для тех, кто руководит операцией и рискует

больше всех, не скупимся. – Затем пояснил: – Вы, конечно, будете руководить операцией.

– И рисковать больше всех? – улыбнулся Уэлдон.

– Естественно, ведь это то, чего вы хотите! И по этой причине вы нам тоже нужны!

– Подождете несколько минут?

– Для вас – хоть несколько часов!

– У меня есть полторы тысячи долларов. Здесь честно играют?

– Сам Карберо – мошенник. Но играют, может быть, и честно.

– Отлично. Рискнем?

– Я играю в другие игры, – усмехнулся Каннингем.

Уэлдон отошел от нового знакомого, оставив его одного за столиком.

Глава 5

Колесо фортуны

Направляясь к рулетке, Уэлдон прошел мимо парнишек, постоянно подметавших пол. Кивнув самому маленькому, вложил серебряный песо в его чумазую ладошку.

– За моим столиком сидит один человек. Американец. Если он встанет, проследи, куда пойдет. Вернешься и расскажешь мне!

Мальчишка даже не повернул головы. Глаза его блеснули холодным, стальным блеском, он кивнул, не отрываясь от работы. Уэлдон подошел к столу с рулеткой. Несколько секунд наблюдал за игрой, а затем поставил пять сотен на красное. Выиграл, удвоил ставку. Затем поставил на черное и снова выиграл. Поставил все на нечет и еще раз удвоил ставку. В результате получил пять тысяч долларов вместо полутора тысяч. И все это за считанные минуты. Остальные игроки хищно следили за ним, готовые следовать его курсом, потому что человек, которому сопутствует удача, похож на корабль, входящий в порт. А над таким кораблем всегда кружит стая голодных чаек.

Уэлдон начал ставить на номера. Трижды поставил на девятку, трижды на семерку, трижды на двадцать семь. Деньги тут же уплыли – по сотне долларов за раз. Крупье, с желтым как воск лицом, невозмутимый, словно мумия, наблюдал за игрой, монотонно бубня себе что-то под нос. Те, кто последовали курсом везунчика, либо уже проигрались в пух и прах, либо были страшно обескуражены девятью проигрышами подряд.

Уэлдон проиграл четыре тысячи одним махом. Потом спустил еще тысячу. Затем восемнадцатый номер оказался для него счастливым. Он сразу вернул тридцать пять сотен. Крупье, подняв скучающие глаза, спокойно взглянул на него, а колесо продолжало вертеться.

Тысяча на красное. Черное выиграло!

Тысяча на красное. Черное выиграло.

Тысяча на черное. Красное выиграло.

Еще тысяча на черное, и красное снова выиграло.

Кто-то дернул Уэлдона за руку. Он сделал шаг назад. Нанятый им шпионить мальчик едва слышно прошептал:

– Тормоз.

Уэлдон дружелюбно ему улыбнулся.

– Я так и думал. А тот джентльмен? – Он кивнул на опустевший столик, за которым раньше сидел Каннингем.

– Он вышел через боковую дверь в проулок. Я пошел за ним. Он стоял и курил сигарку. Вскоре мимо него прошла какая-то сеньорита. Голова ее была закутана в мантилью. Она сказала три слова по-английски. Сеньор тоже сказал три слова по-английски. Сеньорита ушла. Сеньор вернулся. Скоро он будет сидеть за тем же столом.

Действительно, в этот момент Каннингем снова уселся за тот же столик. Мальчишка растворился в толпе, опустив в карман штанов еще одну монетку.

А Уэлдон поставил последнюю сотню на нечет и, выиграв, улыбнулся. Затем он удвоил ставку и поставил на красное. Если в этой машине и запрятана какая-то хитрая штучка, они, по крайней мере, постарались, чтобы у него в кармане осталось хоть немного мелочи.

Мысленно он вернулся назад, к столику, где сидел Каннингем, и на улицу, где сеньорита в мантилье прошла мимо Каннингема и сказала ему что-то по-английски.

В этом городе Уэлдону частенько приходилось видеть мужчин-американцев, но женщины-американки встречались очень редко или не встречались вообще. Он многое бы отдал, чтобы услышать голос той женщины, о которой сказал мальчишка. И готов был побиться об заклад, поставив больше, чем проиграл в рулетку, что это был голос той девушки из серого автомобиля, которая недавно с ним разговаривала. Богато модулированный голос, смахивающий на глубокое контральто.

Уэлдон поставил сотню на семнадцатый номер и проиграл.

Поставил еще сотню на седьмой номер. Колесо завертелось. Шарик метался от десятки к четверке. Остановится ли на семерке? Неожиданно колесо замедлило ход. Шарик упал на девятку. С мягким шипением колесо продолжало вращаться.

– Девятка, черное... – начал было крупье.

– Друг мой! – вмешался Уэлдон.

Теперь у него имелись доказательства. В этом колесе был тормоз, и крупье нажимал на него, немного неловко, как в данном случае. Колесо рулетки вращается равномерно, как движение планеты. И останавливается плавно, постепенно, без каких бы то ни было резких рывков, как тот, что подметил его зоркий глаз.

– Сеньор обращается ко мне? – спросил крупье и сочувственно улыбнулся Уэлдону.

– К вам. Подойдите сюда.

– Тысяча извинений! Я не могу покинуть мой пост! Так не принято у Кабреро!

Уэлдон сделал легкий жест рукой, как бы признавая свою ошибку, потом подошел вплотную к крупье и, той же рукой схватив его за шиворот, приподнял, снял с небольшого помоста и поставил на пол.

– В вашей рулетке тормоз, приятель.

– Боже! – воскликнул крупье.

Он среагировал так, словно к его голове приставили пистолет. Затем вывернулся, его правая рука метнулась снизу вверх. В этом стремительном броске не чувствовалось силы, но ее много и не требуется, чтобы воткнуть нож в сердце мужчины.

Молодой человек перехватил руку с кинжалом и резко вывернул ее. Хрустнула сломанная кость. Крупье завопил. Нож зазвенел по полу, как маленький серебряный колокольчик.

Уэлдон стоял на возвышении, где прежде сидел крупье. Сейчас этот бедолага, пошатываясь, брел к стене. Одна его рука висела словно плеть, а вторую он вытянул перед собой, словно нащупывая путь в темноте.

– Друзья, джентльмены, эта машина жульничает, – громко заявил Уэлдон. – В ней спрятан тормоз. Я попробую найти его и рассчитываю на вашу помощь.

Помощь?

Толпа отхлынула от него, как расходятся круги по воде от брошенного в пруд камня. Раздались пронзительные крики. Девять десятых лампочек погасли. В тусклом полумраке толпа игроков устремилась к выходу.

Между тем молодой человек взялся за рулетку, подставку к ней и рванул их вверх. Конструкция не поддалась. Согнув колени, рванул еще раз. Дерево треснуло как плотный картон, и он положил все это сооружение набок.

Тут Уэлдон заметил, что в растекающейся толпе некоторые мужчины не трогаются с места. Просто стоят, а поток людей, устремившихся к выходу, обтекает их со всех сторон. Снаружи, на улице, слышался шум. Кто-то вопил, раздавались возбужденные голоса. Оставшиеся начали осторожно приближаться к возмутителю спокойствия. Их было шестеро или семеро. И каждый вооружен.

Молодой человек опустился на колени позади стола с рулеткой и вскрыл втулку колеса с такой же легкостью, с какой ребенок чистит апельсин. Этот тормоз оказался хитрым приспособлением. Ясно, что такая штучка и работать должна была так же деликатно и точно, как швейная игла. Надо быть увальнем, как этот крупье, чтобы обойтись с ним так резко. Но может, он имел строгий приказ больше не проигрывать? По правде говоря, такие вещи были, есть и будут во всех игорных домах!

Уэлдон собрал все важнейшие детали тормоза и опустил их в карман.

Затем еще раз огляделся. Мужчины смыкались вокруг него. Скрестив руки, он выхватил из-под мышек пару тяжелых длинноствольных старомодных колец одиночного действия. Мушки и спусковые крючки на них были спилены, а курки парень придерживал большими пальцами рук.

– Я не хочу неприятностей, – отчетливо произнес он по-испански.

– Проклятый гринго! – взревел один из мужчин, задыхаясь от душившей его ярости, и выстрелил в Уэлдона.

Однако долей секунды раньше молодой человек рухнул лицом вниз на возвышение для крупье. Пуля пролетела мимо.

– Он мой! – дико заорал кто-то.

Уэлдон лежал в полумраке и улыбался. Уперев рукоятки кольтов в пол, он открыл огонь по чьим-то ногам, целясь между коленями и бедрами. Нужно быть настоящим героем, чтобы в этой ситуации устоять на ногах, поскольку пуля 45-го калибра, попадая в такое место, сбивает человека с ног, словно его ударили дубинкой по голове. А упав, он забывает обо всем на свете. Чувствует, что истекает кровью, и зовет на помощь.

Подобные вопли раздались и сейчас. На полу валялись трое мужчин. Один из них упал спиной на стол для игры в кости и разнес его в щепки.

И в этот момент окончательно погас свет!

Стало темно как в могиле. Но и в этой тьме раздавались стоны и вопли тех троих, корчившихся на полу, изнемогающих от страха и боли.

Уэлдон встал на колени и перезарядил оружие. Затем поднялся и направился к выходу. Когда он шагал, его небольшие, точеной работы шпоры уютно позвякивали, слегка задевая за каблук. Однако он шествовал среди этой черноты уверенно и непринужденно, словно крадущийся кот.

Уже пора было бы появиться представителям закона. Странно, что их все еще не было, разве только решили дать возможность людям Кабреро покончить с этим небольшим дельцем без постороннего вмешательства?

Его рука коснулась длинной, холодной, отполированной стойки бара. В это время неожиданно входная дверь распахнулась, в помещение ворвались мужчины с мощными фонарями. Уэлдон перемахнул через стойку, выскочил за дверь и стал протискиваться через плотную толпу, все еще стоявшую в темноте.

Кто-то спросил его:

- Где американо?

- Полиция возьмет его! Он не сможет убежать, - ответил парень. - А где находится сеньор Кабреро? Я знаю, как зовут этого гринго, хочу ему сообщить.

- Он будет рад это услышать! Идемте, идемте!

Кто-то схватил его за руку и повел по темному переходу. Вскоре они подошли к освещенной двери.

- Здесь!

Человек, сопровождавший Уэлдона, стукнул в дверь три раза, сделал паузу и стукнул еще раз.

- Войдите!

Уэлдон повернул ручку и вошел, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 6

Талантливый человек

Но тут же за дверью раздался голос человека, который привел Уэлдона и страстно желал, чтобы его ценная услуга не осталась незамеченной:

- Сеньор, это я, Педро. Это я привел этого парня! Он знает, как зовут того гринго!

- Отлично! - отреагировал Кабреро.

Уэлдон слегка поклонился.

Кабреро постукивал по столу пухлой ладошкой, которая, если ее вытянуть во всю длину, фактически не имела углубления между костяшками пальцев. В детстве он, должно быть, был очаровательным, хрупким маленьким мальчиком, но с тех пор довольно сильно раздобрел. Его щеки округлились и заплыли жиром, а глаза просто в них тонули. Жилет едва сходил на животе, рукава пиджака чуть не лопались, обтягивая руки. Он выглядел круглым, цветущим и таким надутым, что походил скорее на воздушный шар, чем на человека.

- Вы знаете этого американца? А сами - американец? - поинтересовался Кабреро.

- Конечно, - кивнул Уэлдон. - Того американца зовут Уэлдон.

- Зачем же, - любопытствовал глава игорного дома, потирая руки, - вы выдаете мне своего соотечественника? Он что, ваш враг?

С улицы по-прежнему доносились шум и крики, которых не могли заглушить даже толстые стены.

- Между нами, у меня с ним свои счета, - усмехнулся юноша.

Кабреро продолжал потирать руки:

- Ваших дел я не знаю, но, полагаю, вы хотите расквитаться с ним?

- Хочу.

- Тогда, если он скроется, где мне его искать?

- Но куда ему деться, если вся городская полиция за ним охотится?

- Всякое бывает, - уклончиво заметил Кабреро, прикрыв глаза. - Я человек занятой, у меня очень мало времени. Где мне искать этого гринго?

- Здесь, - сказал Уэлдон.

- В моем доме?

- Да.

- Где же?

- Здесь, - повторил молодой человек.

Кабреро широко раскрыл глаза и выдохнул:

- О Господи!

- Уэлдон - это я, - спокойно объяснил американец. - Я честно выиграл у вас в рулетку четыре тысячи. Потом проиграл четыре тысячи и еще тысячу. За вашей спиной находится сейф.

Кабреро изменился в лице, но не успел ответить, так как в дверь постучали:

- Сеньор! Сеньор! Этот чертов американец смылся!

- Убирайся вон, болван! - крикнул владелец игорного дома.

Послышались удаляющиеся шаги.

- Тут нечего долго раздумывать, - заметил молодой человек. - Вы знаете, что нужно делать.

Спокойно, не мигая, как змея, мексиканец уставился на американца. В руках парня не было оружия, однако Кабреро не торопился выхватывать свои пистолеты. За его спиной находилась кнопка, и он мог бы нажать на нее, откинувшись назад. На полу была еще одна кнопка, на которую он мог бы наступить ногой.

Ну нажмет он на эти кнопки – в дверь ворвутся его подручные. А дальше? Однако в его положении раздумывать некогда. Наступив на кнопку, утопленную в полу, Кабреро одновременно откинулся спиной к стене. Где-то в отдалении тихо прозвенел звонок. Мексиканец внимательно следил за выражением лица посетителя. Тот и бровью не повел:

– А теперь откройте сейф.

– Конечно!

Кабреро вынул ключ из кармана, вставил его в замочную скважину большого сейфа и повернул. Дверца с легким скрипом отворилась.

– Пять тысяч, – напомнил Уэлдон очень тихо, будто он присутствовал на церемонии погребения одного из друзей и опасался резким словом нарушить покой усопшего.

– Пять тысяч, разумеется, – вежливо отозвался Кабреро и отсчитал деньги хрустящими новыми стодолларовыми банкнотами в американской валюте. Положив пачку денег на стол, похлопал по ней ладонью.

– Будете пересчитывать, друг мой?

– Спасибо, – отозвался Уэлдон. – Я пересчитал их в тот момент, когда вы складывали пачки. Можете снова закрыть сейф.

Физиономия Кабреро прояснилась и порозовела. Он с готовностью повиновался.

– А теперь, сеньор Кабреро, от вас требуется небольшая расписка следующего содержания: «Я, Мигель Кабреро, жульническим способом используя тормоз в колесе рулетки, обыграл Лоримера Эверетта Уэлдона на пять тысяч долларов. Сегодня я вернул этому джентльмену его деньги».

Кабреро сложил на столе свои пухлые ручки, угрюмо уставившись на них. Снаружи, в коридоре, слышались очень слабые звуки, но он знал, что они означают.

– Ну, что ж, – пробормотал мексиканец и вытащил лист бумаги, авторучку с толстым, гибким пером.

Удивительно, что при очень маленьком росте Кабреро писал огромными буквами и расходовал много чернил. Он писал бегло и все время энергично стряхивал чернила с пера на пол, который и так уже весь был ими забрызган. Затем взял лист чистой промокательной бумаги, приложил его на только что написанное и с любопытством всмотрелся в то, что на ней отпечаталось. Каждая буква отчетливо запечатлелась на промокашке, а строки на бумаге посветлели, сделались светло-голубыми.

– И это все? – осведомился владелец игорного дома.

– Пока все. А сейчас мы пойдем и заглянем в вашу конюшню.

– Так. Значит, вам нужна лошадь?

– Думаю, одна мне не помешала бы. Вы не против?

– Как вам угодно.

Уэлдон отступил на шаг и открыл дверь в коридор. При этом он не стал выглядывать наружу, а внимательно смотрел на мексиканца, который уже увидел там с полдюжины своих людей с оружием в руках. Им и прежде приходилось заниматься подобной работенкой. Волна яростного веселья накатила на Мигеля Кабреро, едва не задушив его.

Уэлдон между тем произнес:

– Прикажите своим дружкам убраться отсюда. Я веду честную игру.

Хозяин казино автоматически повторил то, что велел ему молодой человек. Коридор быстро опустел. Вдалеке хлопнула дверь.

– Теперь мы спокойно отправимся в конюшню, – хладнокровно продолжил Уэлдон. – Вы, мой дорогой Кабреро, пойдете впереди, а я сзади, чтобы охранять вас с тыла!

Мексиканец едва сдерживал ярость. Его верхняя губа вздернулась, обнажив белые, сверкающие зубы.

Тем не менее он встал, вышел из комнаты и, не слишком торопясь, пошел по коридору. В нем зарождался страх. И единственное, чего он хотел, – никогда больше не видеть этого проклятого американца!

Оба вышли из помещения и пересекли двор. Под навесом стояло около дюжины лошадей. Уэлдон внимательно их осмотрел.

– Неплохо, – одобрил снисходительно. – А как насчет ваших собственных лошадей?

Верхняя губа Кабреро снова вздернулась кверху, обнажив оскал зубов. Он едва не вышел из себя, но сдержался. Мексиканец дрожал уже не только от страха, но и от злости. Однако провел наглого молодого человека на конюшню. Здесь, в шести стойлах, стояли пять лошадей. Над каждой горела электрическая лампочка. Продвигаясь за спиной Кабреро, Уэлдон долгим оценивающим взглядом окидывал каждого животного.

Затем вернулся к тому стойлу, где с ноги на ногу переминался высокий гнедой жеребец с подпалинами.

– Вот этот подходящий.

– Черт! – выдавил сквозь зубы владелец игорного дома.

– И сколько вы уплатили за эту великолепную лошадь, друг мой?

– Она обошлась мне в полторы тысячи долларов золотом!

– Ладно, ладно! Это раза в полтора больше, чем она стоит. Ну а по-честному?

– Вы что, думаете, мне нравится надувать вас?

Кабреро сжал толстые губы, едва удерживаясь от того, чтобы не выпалить самое последнее слово. Теперь он дрожал от бешенства.

Сунув руку в карман, парень нащупал там только что приобретенные банкноты. Вытащив пачку денег, протянул ее хозяину жеребца:

– За эту цену, добавьте седло и уздечку, Кабреро.

Взглянув на деньги, Кабреро побагровел.

– Сторонник честной игры! – буркнул он, тяжело дыша.

– Иногда, – весело ухмыльнулся Уэлдон. – Вы мне его оседлаете?

Мексиканец повиновался.

– Как лучше всего выбраться отсюда, Кабреро? Это в ваших интересах, потому что вам придется со мной пройти.

Владелец игорного дома задумался. Потом решил воспользоваться представившейся возможностью.

– Вон та дверь выходит в пустой проулок. Проедете по нему и повернете налево. Через пять минут окажетесь за пределами города.

– Покажите дорогу.

Они вышли из конюшни и очутились в небольшом проулке. Уэлдон вскочил в седло. Кабреро обернулся. В лицо ему смотрело дуло кольта 45-го калибра. И тут он громко расхохотался.

– Вы, сеньор, талантливый человек! – высказался с чувством.

– Приходится учиться понемногу, – парировал американец.

Мексиканец прошел до конца проулка. Налево шла извилистая тропа, теряющаяся между домами.

– Сюда, Кабреро?

– Да. Прямо по этой дорожке.

– Но прежде я прослежу, как вы будете возвращаться.

Слегка поклонившись, Кабреро повернулся и неспешно зашагал по проулку. Когда он скрылся в конюшне, Уэлдон послал жеребца вперед по тропе. И тут услышал в отдалении тихий, многократно повторившийся свист.

«Это он подает сигнал!» – решил Уэлдон. И, усмехнувшись, пустил коня в галоп.

Глава 7

Уэлдон берет барьер

С первых же шагов он понял, что все идет не так уж хорошо. Крупный жеребец взял с места в карьер, резко выбрасывая голову вперед. Уэлдон изо всех сил натягивал поводья, но гнедой только потряхивал гривой, вытягивая голову вперед еще сильнее, чем прежде.

Конь и всадник летели по тропе. На крутом повороте перед ними возникла куча хлама и отбросов. Сверху опасно поблескивали старые консервные банки. Но гнедой легко взял это препятствие.

– Молодец! Молодец! – пробормотал Уэлдон.

Неожиданно гнедой напрягся. Проскакав двадцать футов по рыхлому песку, вдруг встал как вкопанный перед высокой каменной стеной. Стена загоразивала путь, и молодой человек сразу сообразил, почему владелец игорного дома указал ему именно эту дорогу.

Он развернул коня, надеясь, что у него хватит времени проскочить через конюшню Кабреро. Но нет, этот шанс был слишком ничтожен!

Стена была по меньшей мере девяти футов высотой. Слегка ослабив поводья и приподнявшись в седле, Уэлдон дотронулся до нее. Стена была толстая и крепкая, в фут толщиной, сложенная из тяжелых камней. И все-таки верхний камень шевельнулся под его рукой.

Парень с трудом удерживал его. Камень со скрипом выпал из своего гнезда и свалился на песок с глухим стуком. Уэлдон схватился за другой камень, пониже. Тот тоже покачнулся. Тогда он рванул так, что жеребец под ним переступил с ноги на ногу. Но в результате камень вылетел из кладки, посыпались куски раствора и вся стена расшаталась.

Кто бы ни воздвиг ее, он явно поскупился на цемент! Уэлдон с силой взялся за нее, и она осыпалась, обрушив целую грудку камней. Гнедой нервно пританцовывал, так как в него попали каменные осколки. Но внезапно все кончилось. Книзу стена расширялась на добрых два фута, становясь монолитом, который Уэлдону было не одолеть. Он понял: это и есть настоящая стена, а наверху была лишь хилая пристройка.

Теперь перед ним оказалась преграда высотой более пяти футов. Сможет ли гнедой ее преодолеть?

Уэлдон повернул коня, отвел его на приличное расстояние и застыл в седле. За спиной он отчетливо слышал приглушенный возглас и ругательство, как если бы кто-то споткнулся на бегу. Затем твердой рукой послал гнедого вперед.

Первое же движение коня убедило всадника, что он прирожденный прыгун. Жеребец передвигался короткими, пружинящими скачками, как удирает кролик, преследуемый собаками. Именно так гнедой подскакал к преграде.

В конце концов, подумал Уэлдон, всегда существует разрыв между желанием и возможностью. Вот стена в пять футов высотой; перед ней рыхлый песок, да вдобавок усеянный камнями. Неизвестно, что на той стороне. Там может быть канава, яма, все, что угодно.

Но в груди гнедого билось отважное сердце. В этот решительный момент молодой человек понял, почему застонал Кабреро, когда был выбран именно этот конь. Без колебаний он рванулся к стене. Уэлдон пришпорил его, посылая вперед. Оттолкнувшись, гнедой взмыл в воздух, прижав уши. Они взлетели высоко, но все же недостаточно высоко. Где-то посреди прыжка Уэлдон увидел, что впереди чернеет какой-то сад. Хорошо, если повезет и удачно приземлишься!

Но как жеребцу подобрать свои задние ноги? Даже не взглянув на коня, Уэлдон почувствовал, что гнедой собрался, поджал ноги к самому брюху. Они перелетели через стену, лишь слегка задев ее копытами, и приземлились почти беззвучно.

Сзади, в проулке, раздавались звуки шагов и крики разъяренных, сбитых с толку преследователей.

Пока что молодой американец был в безопасности. Однако теперь высокие стены окружали его с трех сторон, а впереди темнело какое-то строение. Повернувшись в седле, Уэлдон посмотрел на препятствие, которое они взяли вместе с гнедым, ухмыльнулся и покачал головой. Запросто могли свернуть себе шею!

Поворачиваясь в седле, парень заметил, как что-то блеснуло сбоку, в стене. Возможно, дверная ручка!

Он направил туда гнедого и наклонился. Действительно, какая-то дверь! Но, повернув ручку, понял, что она заперта.

В этот момент распахнулись ставни и мужской голос громко крикнул:

– Кто там?

Это был решительный, звонкий голос человека действия, и, глянув вверх, через плечо, Уэлдон при свете звезд увидел отблеск ствола.

В его памяти всплыла старая пословица: «кто скачет, тот и падает». Всадник, берущий барьер, должен быть готов рухнуть на всем скаку. Правда, этот

городишко, решил Уэлдон, улыбнувшись своей обычной улыбкой, не так уж велик, чтоб об него споткнуться!

Приставив дуло револьвера к замку в калитке, он выстрелил. Калитка с легкостью распахнулась. Молодой человек пригнулся в седле, и гнедой вынес его за пределы сада. Перед ними открылась равнина, где неподалеку тускло мерцала серебром река Рио-Негро. Уэлдон прорвался через этот городишко словно через крепостную стену!

Пока он размышлял обо всем этом, сзади коротко и хрипло прогремел выстрел. Пуля ударила в ту стену, которую он только что преодолел. Но беглеца было уже не достать.

На другом берегу Рио-Негро сверкали огни и виднелись остроконечные крыши домов. Это был маленький городок Джунипер на американской территории. Уэлдон решил, что должен добраться до него. Там он будет в относительной безопасности.

Отпустив поводья, парень предоставил гнедому полную свободу, но тот не собирался брать на себя ответственность, как там, на тропе. Ободранные ноги, прыжок в темноту и скачка через темный сад, очевидно, убедили жеребца, что этот человек подходит для роли его хозяина. Подчиняясь узде, он легким, ровным галопом спустился к воде. Сзади не было слышно ни звука. Похоже, Мигель Кабреро мудро рассудил, что к поражению следует отнестись философски. По крайней мере, на время умыл руки.

Поэтому Уэлдон спокойно посидел у реки, испытывая острое наслаждение от жизни и тех новых ощущений, которые она дает. Вода была гладкой как стекло, только где-то на середине реки что-то бурлило и кипело. Нельзя было даже себе представить, что незадолго перед этим та же вода бешено ревела, вырываясь из черной теснины каньона, словно сами дьяволы направляли ее!

В той стороне, где остался Сан-Тринидад, было темно. Только при въезде на мост мелькали лучи света. Таможенники освещали мост, должно быть предупреждая контрабандистов, что здесь им не пройти. Однако на американском берегу лучи света рассеивались, оставляя зыбкие желтые пятна на черной воде. А в спокойных заводях отражались звезды. Уэлдон мог бы просидеть здесь в седле полночи, но, в конце концов, Кабреро не был таким уж

безвредным и мирным, как все вокруг.

Всадник и конь спустились к самому широкому и, следовательно, самому мелкому месту. Гнедой осторожно вошел в реку, понутив голову и пригнувшись, словно справляясь у воды о скрытых подводных глубинах. И вдруг неожиданно плюхнулся в воду, погрузив Уэлдона по грудь. Проплыл несколько ярдов, затем снова нащупал дно. Мокрые, продрогшие, они шлепали по воде, но в конце концов добрались до берега и спокойно поскакали в город. Уэлдон нашел гостиницу, передал грязную, промокшую лошадь конюху, которого отыскал с другой стороны здания, и постоял немного, наблюдая за тем, как кормят гнедого. За какой-нибудь час-другой всадник и конь стали близкими друзьями. Жеребец нежно обнюхивал своего нового хозяина, а тот поглаживал его гибкую, сильную шею.

Обратившись к пареньку, который помогал конюху, Уэлдон спросил:

– Ты стреляешь белок, сынок?

– Иногда. А что?

– Где твой дробовик?

– Вон, возле двери.

– Предположим, сегодня вечером ты посидишь с дробовиком у этой кормушки.

Мальчик молча смотрел на молодого человека.

Тогда тот откровенно его спросил:

– Ты знаешь Мигеля Кабреро?

– Конечно.

– Что-нибудь хорошее можешь сказать о нем?

– Нет.

– Я заплатил Кабреро полторы тысячи за гнедого, но, думаю, ему захочется вернуть этого коня.

Он вложил десять долларов в руку мальчишки. Паренек с такой силой стиснул бумажку, что та хрустнула, будто косточка.

– Один доллар? – спросил он с надеждой.

– Десять, сынок, – пояснил Уэлдон.

– Ладно, – бросил мальчишка сквозь зубы, – посторожу. Идите и спите спокойно!

Молодой человек последовал его совету. Гостиница ему не понравилась, да и ее владелец не отличался ни опрятностью, ни учтивостью. Он был без пиджака, в одной рубашке, которая не блистала чистотой. Показывая новому постояльцу комнату, хозяин дымил окурком вонючей черной сигары.

– А получше ничего нет? – поинтересовался Уэлдон.

– Для меня годится. А для вас разве нет?

Вздыхнув, парень взял номер. У него чесались руки, но он отпустил хозяина с миром и стал укладываться.

Накануне Уэлдон спал до самого вечера. Сейчас было не очень поздно, но он готов был снова заснуть. Сон всегда верно служил ему. Он повернул ключ в замке и, скатав циновку, положил ее под дверь. Затем поставил стул сбоку, под окном, улегся, твердо решив не обращать внимания на затхлые запахи кухни, которыми пропиталась комната, и уснул.

Уэлдон спал как ребенок, крепко, без сновидений. Однажды чья-то рука дернула дверь. Открыв глаза, Уэлдон схватился за револьвер. Но шум прекратился, и он снова погрузился в сон. Окончательно проснулся, когда солнце стояло уже высоко, посылая в комнату волны тепла и света. В дверь непрерывно стучали. Открыв ее, молодой человек увидел на пороге Роджера Каннингема.

Глава 8

Два предложения

Они вместе поели в грязной столовой, и во время завтрака Уэлдон заметил шишку на голове своего нового знакомого.

- Что это у вас? – любопытствовал.

- Я слишком торопился поспеть за вами, – усмехнулся Каннингем. – И один из этих мексиканцев встал у меня на пути. – Затем небрежно переменял тему: – Великолепная была стычка! Это правда, что вы обратились к Кабреро?

- Правда. Кабреро указал мне выход.

Каннингем покрошил сильными пальцами черствый, заплесневевший хлеб.

- Так вы говорите, что разобрались с Кабреро?

- Он был вежлив со мной, – пояснил Уэлдон. – Вернул все, что его жульническая машинка отобрала у меня.

Откинувшись на спинку стула, Роджер удовлетворенно вздохнул:

- Как бы мне хотелось присутствовать при этом! А затем вы забрали одну из его лошадей?

- Вовсе нет! Я купил ее.

- Что?

- За полторы тысячи. Это справедливая цена, не так ли?

Каннингем затрясся от хохота. Наконец вытер глаза и успокоился:

- Я и раньше считал, что вы нам нужны. А теперь в этом убежден! Вы способны на все, Уэлдон!

- Вы руководите этой работой? - поинтересовался парень.

- Я? никоим образом! Я занимаюсь общей организацией и постоянно сталкиваюсь с противником.

- Можно вас кое о чем спросить?

- Нет, пока вы к нам не присоединитесь.

- Все же я задам один вопрос. Кто эта прелестная крошка в длинном сером автомобиле?

- Она очаровательна, - вздохнул Роджер.

- Ваша?

- Ничья, - отозвался Каннингем, ничуть не обиженный грубоватой прямоотой собеседника. - Она сама по себе. Она вам нравится?

- Конечно.

- Здесь нет никого, кто мог бы с ней сравниться, - заметил Каннингем.

- Она участвует в вашем представлении?

Мужчина задумчиво побарабанил пальцами по столу:

- Не могу вам сказать.

- Это могло бы сильно повлиять на меня.

Роджер пристально взглянул на молодого человека:

- Это ваше слабое место, что ли?

- Одно из них.

- Не знаю, что из этого выйдет, но позвольте мне вас предупредить. Франческа - настоящая злодейка. Остыньте, советую вам!

- Ненадежна?

- Опасна! В ее прекрасном теле нет сердца, как в этом деревянном столбе.

- Чепуха! - с улыбкой возразил Уэлдон. - У каждого есть слабое место.

- У нее врожденная любовь к опасности.

- Я и сам питаю пристрастие к жареному.

Каннингем серьезно покачал головой:

- Заметьте, вы пока чужой. Я мог бы вообще ничего не говорить. Но после вашего небольшого представления вчера вечером хочу предостеречь вас с самого начала. Лагарди действительно красавица, но лучше любоваться ею, как картиной на стене. Восхищайтесь ею сколько угодно, но сердцем не прикипайте! Вы знаете, существуют два типа людей. Те, кто сами идут на риск и гибнут, и те, кто посылают на смерть других. Первый тип, возможно, и безрассуден, но способен вызвать сочувствие. А второй - просто отвратителен. Вы знакомы с сочинениями Бальзака?

- Как-то пробовал его читать.

- У него в «Шагреновой коже» есть подобный персонаж.

Уэлдон посмотрел на высившуюся в отдалении гору Бычья Голова, массивную и грозную с виду.

– А какой у нее чудесный голос! – заметил он и предложил: – Давайте оставим это!

– Могу я обсудить с вами условия?

Парень колебался.

Во многих отношениях Каннингем ему нравился. Но он еще не принял решения, так как его голова работала медленно, а ему хотелось оценить разные стороны предложения, прежде чем его принять.

– Мне нужно время, – признался честно. – Возможно, мне захочется еще пару раз заехать в Сан-Тринидад.

– Верхом на лошади Кабреро? – поддел его Каннингем.

– А почему бы и нет? – в тон ему отозвался Уэлдон.

Мужчина улыбнулся, но лоб его остался нахмуренным.

– Возможно, вы и поладите с Лагарди. Что бы там ни было, она бесстрашная девчонка, настоящая сорвиголова!

– Да, но я-то не из таких, – запротестовал парень. – Только жизнь – не одни пирожки да пончики, но и уксус с горчицей тоже.

– Вы хотите все обдумать? – предположил Каннингем. – Доброе утро, доктор! – Он поздоровался с каким-то сутулым мужчиной, медленно поднимающимся вверх по тропинке, потом снова повернулся к Уэлдону. – Я вам кое-что сообщу для начала. Мы предлагаем вам тысячу в месяц. Это еще не окончательно. Возможно, сумеем заплатить и больше. Но самое меньшее – тысяча в месяц. Я уполномочен предложить вам это. А потом, я же знаю, на что вы способны. Очень скоро вы, вместе с нами, настрижете кучу зеленых!

– А может, нас настригут? – возразил молодой человек.

– У нас ножницы поострее, – улыбнулся Каннингем.

– Что ж, предложение заманчивое, – признался Уэлдон и тут же выбросил его из головы. – Все-таки разрешите мне немного подумать. Здесь солнце печет слишком сильно, мешает переварить услышанное.

Мужчина кивнул. А немного позже, покончив с завтраком, удалился, пообещав, что заглянет вечерком, если сможет.

После завтрака Уэлдон вышел на веранду покурить и подремать. Мальчишка, помощник конюха, слонялся поблизости и ждал, когда его заметят.

– Хорошо спалось? – спросил его парень.

Мальчишка ухмыльнулся и сообщил:

– Они приходили, будьте уверены! Двое. Я снял с крючка фонарь, когда они вошли в стойло. Вы наверняка должны были слышать, как они удирали. Увидев дробовик, решили, что сейчас будут похороны.

Уэлдон дал пареньку еще десять долларов.

– Протри свои глазки, чтоб получше смотрели, – весело посоветовал он, и мальчик исчез.

Казалось, не было худшего места в мире, чем деревенская улочка, на которой сейчас находился Уэлдон. Через реку его взор притягивал Сан-Тринидад, обещающая всяческие удовольствия. В темных двориках и других укромных уголках скрывалась тайна. Но там была также и улочка с жалкими лачугами – из рифленого железа, парусины и других дешевых материалов. Их возводят американцы, осваивая новые земли. Затем, сталкиваясь с трудностями новой страны, преодолевают их. А потом быстро возникают настоящие города из кирпича и камня.

Именно так молодой человек представлял себе жалкую пограничную деревушку. Земля тут истощена. И нет никакой уверенности, что когда-нибудь что-нибудь родит. В нее ничего и не сажали. Потому что посадишь десять зерен – дай Бог, взойдет хоть одно. По всей границе вдоль реки путь усеян крошечными деревушками, которые, погибая, уходят в землю. Но каждая десятая деревушка

превращалась в большой город.

Уэлдон размышлял об этих вещах со смутной гордостью за свою нацию, более чем когда-либо сознавая, что сам-то не приложил к этому руку. Он не был частью мощного, стремительного потока, а всего лишь пеной на его поверхности. Но не собирался грустить по этому поводу. Для него собственные мысли значили не больше чем картины, висевшие в галерее, но он вешал себя на стену рядом с другими картинами и спокойно рассматривал свои уродливые черты.

За его спиной замерли прихрамывающие шаги.

– Вы мистер Уэлдон? Позвольте представиться. Я – доктор Генри Уоттс. Можно присесть?

Это был тот самый сутулый мужчина, который поднимался вверх по тропе и с которым поздоровался Каннингем.

Он придвинул рядом стоявший стул и осторожно опустился на него, как бы опасаясь, что ноги его подведут. Затем что-то пробормотал и вздохнул. Казалось, старик проделал какую-то тяжелую работу, которая отняла у него все силы.

В руках он держал толстую, узловатую палку. Опираясь на нее, как будто изучал носки своих неуклюжих сапог, не предназначенных для верховой езды. Во всех отношениях доктор Генри Уоттс принадлежал к сословию пешеходов. Судя по всему, ему было не более пятидесяти, но вид у него был болезненный, поэтому и выглядел лет на десять старше. У доктора было длинное лицо со скудной бородкой, переходящей в тощие бакенбарды. На худой шее болтался воротничок с двумя продетыми в него шнурками. Воротничок сверкал ослепительной белизной. Манжеты, выглядывающие из рукавов пиджака, тоже были чистыми и белыми. Они резко контрастировали с набухшими голубыми венами на тыльных сторонах его ладоней.

Уэлдон, дремавший на солнышке, подметил все эти детали. И сразу же решил, что Генри Уоттс – джентльмен и человек образованный. Его слабо сидящая на шее голова, казалось, клонилась книзу под тяжестью обременявших ее мыслей.

– Я вижу, вы нужны Каннингему, – заметил доктор.

Молодой человек не ответил. Просто улыбнулся.

– И конечно, он прав, – продолжал доктор Генри Уоттс. – После вчерашних событий все проявят к вам интерес!

Улыбка Уэлдона оставалась непроницаемой, и Генри Уоттс поспешно заговорил мягким и низким голосом:

– Все уже наслышаны о ваших подвигах. Знаете, на том берегу много об этом болтают. Поэтому и до нас доносятся слухи. Эти два городка связаны друг с другом беспроводным телеграфом. – Наклонив набок тяжелую голову, доктор улыбнулся не как человек, удачно состривший, а как старый, умудренный опытом мужчина. – И когда я услышал о ваших подвигах, мне пришло в голову, что, возможно, вы позволите мне серьезно потолковать с вами?

– Конечно, – как всегда вежливо, ответил Уэлдон.

– Я разговаривал с моей пациенткой, – сообщил Генри Уоттс. – Она согласилась со мной в том, что, возможно, вы и есть тот самый человек, который нам тоже нужен, хотя мы не можем предложить вам таких денег, как мистер Каннингем. Но опасностей у вас, сэр, будет в избытке и плюс к этому возможность совершить хорошее и доброе дело.

Глава 9

Леди в беде

Если бы уличный нищий вдруг превратился в блестящего императора, это не так удивило бы Уэлдона, как слова, произнесенные спокойным и печальным голосом старого доктора.

Он полюбопытствовал со своей обычной мягкостью:

– У вас и вашей дамы большие неприятности?

– У леди, моего друга, большие неприятности, и я беспокоюсь о ней. – Он с тоской смотрел на Уэлдона. Вид у доктора был такой, словно он напряженно искал слова для выражения своих мыслей, но они не шли ему на ум. Наконец произнес, глядя на молодого человека, вежливо и терпеливо ожидающего продолжения: – Довольно трудно говорить об этом с незнакомым человеком. Но я постараюсь объяснить вам, в чем дело. Тогда, если оно вас заинтересует, мы можем поехать туда, и вы примете решение!

Уэлдон колебался. Он был бы рад прийти на помощь хорошему джентльмену и его даме, кем бы она ни была, но его мозги были заняты совершенно другим. Иные мысли одолевали его. Они туманили ему голову, как тучи подчас закрывают солнце.

Существовал мистер Каннингем, хитрый, сильный и смелый. Он готов предложить ему работу, а вдобавок еще риск и превосходное жалованье. А как прекрасно Уэлдон мог бы потратить эти деньги, с каким удовольствием! Кроме того, существовала Франческа Лагарди – опасная, обольстительная и странная девушка. И хотя Каннингем не признал, что она входит в его команду, он был убежден, что это так. В противном случае Каннингем не стал бы так стараться с самого начала настраивать его против Франчески, еще до того, как он к ним присоединился.

Однако Уэлдон не мог и не выслушать доктора. Тот говорил с такой страстью и надеждой, что прервать его было бы равносильно тому, как отказать в подаянии голодному ребенку.

Поэтому он ответил просто:

– Я совсем не против того, чтобы выслушать вас. Буду только рад, доктор Уоттс.

– Спасибо, – откликнулся старый джентльмен. – Постараюсь быть кратким, но предельно ясным, как только смогу. – Сцепив свои большие, слабые руки, он слегка наклонил голову, обдумывая, с чего начать. Наконец заговорил: – У меня есть пациентка. Она живет вон там, в лесу, на склоне Лас-Алтаса. Представляете себе? Если посмотрите между тех двух труб, а потом чуть поднимете глаза, то увидите резко выделяющийся желтый просвет на склоне горы. Это каньон. А

теперь взгляните немного пониже и направо, видите склон, покрытый лесом? Деревья там взбираются вверх, буквально налегая друг на друга. Тень ложится на тень. Это и есть то самое место. Мрачное место. Там скрываются призраки, которые несут с собой Бог знает что – смертельную опасность, быть может, даже смерть – для самой чистой и прекрасной женщины на свете.

Сначала Уэлдон оставался непоколебим. Но, по мере того, как старый доктор говорил, простирая слабую руку и щуря тусклые глаза, настроение его менялось. Вникая в жизнь среди сосен, полную печали, Уэлдон чувствовал себя все более и более отдаляющимся от Каннингема и его соблазнительного предложения. Даже дивный образ Лагарди, как Каннингем предпочитал называть Франческу, несколько потускнел, а изумительный, низкий голос красотки, постоянно звучавший в его памяти, стал меньше тревожить.

Он помалкивал, слегка наклонившись на стуле вперед, упершись локтями в колени.

– Ее зовут Элен О'Маллок, – продолжил доктор. – Она живет там, в доме, который построил ее отец, генерал О'Маллок. Вы, возможно, слышали это имя.

– Нет, не слышал, – признался Уэлдон.

– Когда я впервые появился на Западе, все знали о нем, – сообщил доктор. – Мне кажется странным, что люди так быстро обо всем забывают. Генерал О'Маллок был одним из основателей этой страны. Одним из тех сильных мужчин, которые приходят первыми, а уж за ними приползают другие, вроде меня. Сильные мужчины сражались за эту восхитительную страну, а мы пришли на все готовое наслаждаться тишиной и чистым, животворным воздухом! – Он покачал головой, удивляясь этим вещам.

А Уэлдон ощутил, как в его душе приоткрылась еще одна «дверца» для сочувствия доброму доктору. Перед ним был больной человек, – должно быть, немалый груз болезней тащил на своих сутулых плечах.

– Я не хочу отвлекать вас историями об этом генерале, – сказал между тем Генри Уоттс. – Он был хороший и великий человек. Хотя не знаю, можно ли назвать его хорошим... – Он помолчал. – Генерал был сильным человеком и хорошим, с точки зрения общего результата. Но, подобно многим сильным людям, не всегда

держал себя в руках. Вспыхивал как порох и превращался в разъяренного зверя, смертельно опасного для окружающих. У него было много врагов, многие завидовали ему. И все его боялись, за исключением дочери!

Произнеся эти слова, Генри Уоттс сделал паузу. Казалось, то, о чем он говорил, вызвало в его памяти такие яркие и живые образы, что ему пришлось подождать, пока они несколько поблекнут, чтобы иметь возможность и дальше связно излагать факты. Но спустя пару минут возобновил рассказ:

– Генерал О'Маллок сражался с индейцами, водил дилижансы, занимаясь доставкой срочной почты и ценных грузов, и делал много чего другого. Он не боялся ничего – ни людей, ни призраков. Когда его юность осталась позади, обратил свой взор к более мирным занятиям. Хотя и на закате жизни встреча с опасностью была для него самой яркой доблестью, как и для Гарри Хотспера! [4 - Хотспер Гарри (Генри), «горячая шпора», прозванный так за доблесть, верность и преданность, – исторический персонаж, один из героев трагедии Шекспира «Генрих IV».] Тем не менее он находил время и для других вещей. Покупал скот, и стадо его росло. Занимался старательством. Там, где ступала его нога, обязательно находилось золото. Он стал богатым человеком. Не по нынешним меркам, когда сколачиваются миллиардные состояния, но мог позволить себе жить со вкусом, и даже больше чем со вкусом. По мере того как текли годы, генерал надумал жениться. Тогда ему было уже под пятьдесят. Нашел девушку, которая восхищалась его отвагой, героическим прошлым и полюбила его за это. Совсем как Дездемона полюбила Отелло. Очень похоже!

– Этот О'Маллок был полукровкой, что ли? – спросил Уэлдон несколько резковатым тоном.

– Чистейшей крови ирландец! – слегка возмутился доктор. – Об этом незачем беспокоиться! Итак, он женился. Его несчастная жена умерла, когда у нее родилась дочь – та самая красавица Элен, которая все еще живет в их старом доме! Пока дочь подрастала, генерал старел. Когда ей исполнилось десять лет, ему было шестьдесят. Когда ей было двадцать, ему стукнуло семьдесят. С возрастом он стал хуже соображать и начал отходить от активной деятельности. Мало-помалу стал распродавать свои владения – скот, прииски. Я вам не наскучил, мистер Уэлдон?

– Мне? Ничуть! Кажется, я никогда не слышал ничего более интересного за всю свою жизнь!

– Приятно слышать. Я не могу рассказывать так, как Элен, но стараюсь изо всех сил! Так вот, продав собственность, генерал умер. Согласно его завещанию, все, чем он владел, перешло к его дочери. Но тут возникло одно странное обстоятельство – он почти ничего ей не оставил. – Уоттс поднял длинный, искривленный указательный палец. Его глаза под кустистыми седыми бровями расширились от удивления и тревоги. – Почти ничего не оставил! – повторил взволнованно.

– Он, должно быть, играл на бирже? – предположил Уэлдон.

– Возможно, возможно!

– Все выметено подчистую?

– Нет, не все. Я бы так не сказал. Элен О'Маллок имеет скромный доход, на который живет. Она живет вон в том старом доме! Бедное дитя! Бедное дитя! Девушка очень горевала, оплакивая отца, это сильно на нее повлияло. А может, эта болезнь была у нее и раньше, что странно. В такой стране, где чистый, животворный воздух... У нее чахотка, мистер Уэлдон!

– А, это скверно! – откликнулся тот. – Бедняжка!

Старый джентльмен взглянул на него с признательностью:

– У вас отзывчивое сердце, сэр. – Затем продолжил рассказ: – Когда Элен лежала, больная и слабая, но все еще с надеждой на выздоровление, она начала припоминать кое-какие вещи, связанные со смертью отца. Ей показалось странным внезапное исчезновение всех его денег, которое очень трудно объяснить... – Его голос прервался, словно что-то попало в горло. Откашлявшись, Уоттс договорил: – А недавно она убедилась, что какой-то человек или какие-то люди пытаются проникнуть в ее дом. Ей кажется, с единственной целью... Прошу прощения. Мне трудно продолжать.

Генри Уоттс обмяк на стуле. Руки у него дрожали, хотя он их стиснул.

– Вы хотите сказать – чтобы причинить ей вред? – пришел на помощь Уэлдон.

- Боюсь, что да. Так она думает, по крайней мере.
- Старые недруги ее отца?
- И такое возможно!
- Вы хотите сказать, доктор Уоттс, что этой девушке грозит убийство?
- Да, да, да! Именно это!

Молодой человек стиснул зубы, его голубые глаза сверкнули.

- Кто с ней живет в этом доме?
- Старая негритянка. И какой-то мужчина помогает по хозяйству. Тоже старый. И я живу не очень далеко. В холмах.
- Старик, негритянка... - размышлял вслух Уэлдон.
- И представьте себе: пребывая в этом напряжении и страхе, Элен О'Маллок услышала о том, что случилось в Сан-Тринидаде, - ведь сеньор Кабреро хорошо известен! - доверительно произнес доктор. - Вопреки всему она надеется, что, возможно, ей удастся заручиться вашей защитой. Понимаете? Без сомнения, она не может дать вам то, чего вы могли бы потребовать от других. Но она предлагает вам сто долларов в месяц. И ваши обязанности, - поспешил добавить Уоттс, - будут э... очень простыми. Никаких обременительных поручений, никакого физического труда...

Он умолк, с нетерпением ожидая ответа. Вид у него был почти жалкий, и Уэлдон с ужасающей ясностью представил себе картину, которая, по-видимому, стояла перед взором старого доктора: лежащая в постели, изнуренная болезнью девушка, дрожащая от страха негритянка и неведомая, но грозная опасность, нависшая над ними. Все глуше и глуше звучал в его памяти голос Франчески Лагарди, как перезвон колокольчиков, уносимый ветром.

- Давайте поедem, осмотрим дом и все обсудим, - предложил он.

Глава 10

Дом на холме

Уэлдон взбирался на холм, сидя на своем гнедом. Конь был уродлив как смертный грех – с огромной, длинной головой, глядя на которую никак нельзя было судить о его качествах. Однако он был проверен в деле и отлично себя показал. А теперь с легкостью одолевал подъем.

Что касается доктора Уоттса, то он сидел в маленьком дешевом автомобильчике, который с ужасающим кряхтением и ревом продвигался вперед, ухитряясь, однако, взбираться по разбитой дороге с проворством горного козла. Уэлдону даже казалось, что вверх машина шла еще лучше, чем по равнине.

Им потребовалось полтора часа, прежде чем они достигли опушки леса. Затем пришлось преодолеть участок пути даже более трудный, чем тот, что остался позади, так как дорога стала еще хуже. Но в конце концов они добрались до места.

Принято считать, что неодушевленные предметы отражают человеческие судьбы. Но по внешнему виду дома, возникшего перед Уэлдоном, никак нельзя было сказать, что это обитель горя и бедности. Двухэтажный каменный дом был построен в испанском стиле. Стены имели странный вид, поскольку для их сооружения использовались куски скал без всякой обработки. Они повсюду торчали огромными острыми выступами. И все-таки даже на расстоянии было видно, что дом построен основательно.

Эти мощные стены, которые сделали бы честь любой крепости, были сплошь увиты виноградом. Одна из лоз цвела, осыпая здание белыми лепестками.

Дом был не очень большим, и его никак нельзя было назвать красивым. Глубоко посаженные и довольно узкие окна придавали ему уединенный и задумчивый вид. Тем не менее в нем ощущалось какое-то самодовольство. Уэлдон рискнул предположить, что генерал О'Маллок никогда не мучился сомнениями и все, что делал, считал исключительно важным. Это непоколебимое самомнение проявлялось в замысле сооружения, например в его безобразных очертаниях.

Передняя стена дома была втрое выше задней. Но по крайней мере один разумный довод в пользу размещения здания именно в этом месте был налицо. Дом стоял на круглой площадке, на склоне горы. На западе и на севере взор упирался в труднопроходимое ущелье между горами Лас-Алтас и Камберленд. На юге на волю из каньона вырывалась покрытая белой пеной Рио-Негро. Вглядевшись пристальнее, можно было увидеть, как река успокаивается, добираясь до невзрачного городка Джунипер, напротив которого, на другом берегу, виднелся Сан-Тринидад. Словом, с этой стороны открывалась широкая панорама. Глаз охватывал три четверти окружности, и, естественно, каждый испытывал волнение от увиденного.

– Да, это был мужчина с характером, – заключил Уэлдон.

Он спешил, а доктор вылез из машины. Ему не надо было объяснять, что было на уме у молодого человека.

– Генерал относился к тем людям, которые всегда поступают по-своему. Войдем в дом? – предложил Уоттс.

– Подождем, – сказал Уэлдон. – Не худо бы осмотреться.

Построек вокруг дома было не так уж много. Амбар и конюшня оказались меньше по размерам, чем можно было бы ожидать от такого богатого поместья. Разглядывая все с большим интересом, Уэлдон заметил еще несколько сараев. Они были сооружены прочно и основательно из тех же самых камней, что и дом. А между конюшней и задней частью дома находилось нечто, похожее на испанский внутренний дворик. Одной стороной его являлась стена дома, а три другие представляли собой грубые каменные парапеты. Дворик был вымощен булыжником, в центре его находился колодец с черной дырой посредине.

– Потребовалась кругленькая сумма, чтобы выкопать здесь колодец, – сообщил доктор. – Но генерал выбрал именно это место и решил найти воду именно тут. Настоял, чтобы взорвали горную породу и пробились сквозь скалу. Сами можете судить, как глубоко пришлось спуститься, чтобы дойти до воды!

И действительно, когда молодой человек наклонился над колодцем, сначала он вообще не увидел воды. Ему пришлось заслонить глаза и всмотреться пристальнее, чтобы заметить ее блеск глубоко внизу. Витая лестница, обросшая

зеленым мхом, спускалась внутрь колодца, закручиваясь по спирали, которая, казалось, еще более увеличивала ощущение глубины.

Вокруг были голые скалы, и дворик, казалось, должен был выглядеть мрачно. Но как раз наоборот, он производил жизнерадостное впечатление. Повсюду вился виноград. Стена дома, как и все остальное, вся была покрыта зеленью. А вверх по склону за остроконечной крышей амбара высились огромные, пахнущие смолой сосны, которые взбирались рядами все выше и выше, сливаясь в конце концов в сплошную темно-зеленую массу.

- Здесь любой бы повеселел, - отметил Уэлдон.

- Генерал чувствовал себя счастливейшим из людей! - подхватил доктор. - В этом дворике он обычно пил по утрам кофе. Любил посидеть тут и в полдень, в самую жару. Я думаю, он предпочитал вид отсюда той широкой панораме, которая открывается с фасада дома. Тот вид походил на него самого - обширный, с кипучей жизненной энергией. А он любил контрасты. Его жена, к примеру, была хрупкой и преданной женщиной. У сильных мужчин так часто и бывает.

Входя в дом, они услышали резкий, визгливый голос, выговаривавший кому-то:

- Ах ты, плут! Ворюга! Ох, что я сделаю с тобой, если еще раз застану тебя в доме, Генерал!

Черный кот выскочил из холла и стремглав бросился наутек, проскользнув между ногами Уэлдона.

- Это и есть Генерал, - улыбнулся доктор. - Генерал Шерман, так называет его тетушка Мэгги, потому что он большой любитель наведываться на кухню.

- А разве Мэгги так много лет, что она помнит генерала Шермана?[5 - Один из самых прославленных генералов, возглавивших армию северных штатов во время Гражданской войны в США (1861-1865 гг.).]

- Вовсе нет! Но она выросла на рассказах о нем. Мэгги - добрая душа!

В этот миг показалась и сама тетушка Мэгги, ковыляющая через холл с внушительной кочергой в руках. Увидев вошедших, она сменила грозное выражение лица на приятную улыбку и отступила в сторону, чтобы дать им пройти.

– Я привез друга, который хочет осмотреть дом. Он интересуется генералом О'Маллоком!

Уэлдону показалось странным, что прислуге-негритянке, которая стряпает на кухне, так подробно объясняют причину его появления в этом доме. Проходя мимо тетушки Мэгги, он нарочно запнулся о небольшую ступеньку, что дало ему возможность посмотреть на женщину.

Тетушка Мэгги не сошла с того места, куда отступила, пропуская гостей. И теперь она смотрела им вслед со свирепым и подозрительным видом. Все кухарки склонны к странностям, и кухарки-негритянки не являются исключением.

Уэлдон медленно поднялся вверх по лестнице. На первом этаже они не стали задерживаться. Здесь, как объяснил доктор, помимо кухни, кладовок и нескольких комнат, в которых жили слуги, не было ничего примечательного. Все главные апартаменты находились наверху.

Гостю показали столовую, пару спален. Через коридор, напротив спален, находилась ванна. Молодой человек был восхищен тем, что увидел. Его поразили глубокие, похожие на бойницы окна, которые сужались внутрь дома, потому что были сделаны по принципу воронки, хотя и прямоугольной, создавая впечатление солидной защиты и безопасности.

– Генерал, конечно, был ветераном, участником войн с индейцами? – полюбопытствовал парень. – Ведь эти окна – просто увеличенные бойницы!

– Совершенно верно, – улыбаясь, подтвердил доктор. – Весь дом построен как форт! – Он указал на прочные стены толщиной по меньшей мере в четыре фута и серьезно спросил: – Вам это нравится?

– Конечно! В этом нет сомнений!

– Здесь нет никакого притворства, заметьте. Генерал был искренним человеком. Посмотрите на мебель. Он мог бы привезти сюда дорогие вещи, но предпочел обстановку, которая подходила бы к сельской местности. Генерал О'Маллок не был лишен вкуса. У него было чувство гармонии, он не стал бы привозить сюда пианино ни для жены, ни для дочери. «Выйдем из дому, проедемся верхом, – предлагал он, бывало. – Там, в горах, можно услышать, как ветер гуляет в верхушках сосен!» Генерал выражался грубовато, но точно. И никогда не испытывал сомнений!

– Ясно, – кивнул Уэлдон. Он начинал лучше представлять себе старого вояку. – Но в последние дни, наверное, стал сдавать?

– О нет! Ничего подобного! Он мог вскочить в седло почти как мальчишка. А за три дня до его смерти я видел, как он взял одно из старых кентуккских ружей и подстрелил белку на верхушке сосны! Нет, нет, тело его оставалось крепким и сильным!

Уэлдон резко повернулся, метнув острый взгляд на своего спутника. Эту тему можно было бы и развить. Но никакого развития не последовало. Доктор Уоттс подошел к двери и открыл ее.

Затем снова закрыл дверь и, повернувшись, прислонился к ней плечом. В его полуприкрытых глазах была боль.

– Я готов отвести вас к Элен О'Маллок, – произнес доктор и тяжело вздохнул. – Что касается ее состояния, то я бы не стал утверждать, что она обречена.

– Надеюсь, – серьезно отреагировал молодой человек.

– Но я хочу вас предупредить, чтобы вы поняли. Я стараюсь ей внушить, что у нее нет чахотки. Даже когда ее глаза западают, ее знобит, а на щеках выступают красные пятна, пытаюсь объяснить эти симптомы чем-нибудь более легким – например, простудой, говорю о лихорадке...

И в этот момент Уэлдон услышал какой-то резкий, часто повторяющийся звук, похожий на сухой лающий кашель.

Он глубоко вздохнул:

- Ладно. Надо быть повеселее. Вы об этом?

- Вы все правильно понимаете, мой дорогой друг. Мне... мне просто хотелось вас предупредить. Элен - хрупкое существо. И мать ее никогда не отличалась крепким здоровьем. Мы надеялись, что Элен пойдет в отца. Но природа распорядилась иначе. А сейчас она, похоже, слабеет и тает на глазах.

Уэлдон поспешно отвернулся. Он в полной мере сочувствовал этому поразительному человеку, который искренне любил больную девушку.

Глава 11

Доктор и его пациентка

Доктор снова открыл дверь. Мужчины вошли в просторную спальню, где справа в углу стояла большая старинная кровать с балдахином на четырех столбиках. Кровать походила на призрак прошлого столетия. Кроме нее, в этой комнате находились и другие удивительные вещи. На полу лежали шкуры гризли и горного льва. На стенах висели головы хищников попеременно с самым разнообразным оружием. Никогда еще не видел Уэлдон столь воинственно убранного помещения. Здесь имелись африканские копья с наконечниками в форме листьев и краями острыми как бритва, длинные, гибкие луки и тонкие смертоносные стрелы. Там были и кривые малайские ножи, и изогнутые арабские ятаганы, и, помимо всего прочего, пара длинных старинных мушкетов с богато инкрустированными стволами.

- Это комната генерала? - тихо поинтересовался парень.

- Да, вы правы. Это его комната. Элен не стала в ней ничего менять, хотя он умер больше года тому назад.

- Он охотился во всех этих местах? - Уэлдон указал на огромный рог носорога и свирепую голову тигра.

– Да, объездил весь мир. Не мог усидеть на месте, только смерть его наконец уgomонила. – Неожиданно доктор содрогнулся, будто перед ним прошла тень старого генерала.

Подойдя к двери, которая вела в соседнюю комнату, Генри Уоттс остановился.

– А это комната Элен, – сообщил шепотом, и взор его смягчился. Затем, распахнув дверь, громко произнес: – Я привез с собой мистера Уэлдона, Элен. Нам можно войти?

Отозвался спокойный голос. Но слов Уэлдон не расслышал. Дверь распахнулась еще шире, и он вошел первым.

Девушка сидела в инвалидном кресле возле окна. Солнце ярко светило, согревая ей ноги, укрытые шалью. Яркий блеск солнечных лучей мешал Уэлдону хорошо рассмотреть Элен. Но когда он подошел ближе, чтобы пожать протянутую руку, то увидел бледное лицо с темными кругами под глазами. «Красота, утратившая всякую надежду», – мелькнула у него мысль. И тут же понял, что перед ним – самая прекрасная женщина из всех, что встречались ему во время его скитаний, если, конечно, не считать Франчески Лагарди. На ум пришла старая пословица: «нет дождя, кроме ливня». Это же надо, чтобы так случилось – встретил их обеих почти одновременно, темноволосую Франческу и светловолосую Элен. Таких разных! Лагарди обжигает, как пламя, а Элен О'Маллок туманит, как горный хрусталь, светящийся изнутри. «Вероятно, это из-за того, что она лежит здесь, такая слабая и больная», – подумал молодой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Маисовые или кукурузные лепешки. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

День национальной независимости США.

3

«Lew» созвучно с «lewd» – похотливый, распутный, непристойный, бесстыдный, невежественный (англ.).

4

Хотспер Гарри (Генри), «горячая шпора», прозванный так за доблесть, верность и преданность, – исторический персонаж, один из героев трагедии Шекспира «Генрих IV».

5

Один из самых прославленных генералов, возглавивших армию северных штатов во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/brend_maks/pogranichnye-strelki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)